

Л.Н. САВИНА

(Волгоград)

ТОПОС ДЕТСТВА В РАССКАЗЕ
Б.П. ЕКИМОВА «ФЕТИСЫЧ»

С учетом фольклорно-мифологической традиции рассматривается топос детства в рассказе Б.П. Екимова «Фетисыч», определяются роль пространственных и символических образов в художественном тексте.

Ключевые слова: *топос, пространство детства, архетип, мифопоэтика, фольклор.*

Исследование мифологического пратекста русской литературы наглядно свидетельствует о том, что «словесное творчество мифологично изначально, даже без осознанно постулированного писателем обращения к мифу или фольклору» [13, с. 4]. О трансформации мифа и изменении его содержания «при сохранении глубинной гносеологической сущности» [12, с. 151], в частности о реализации архетипической схемы волшебной сказки на уровне сюжета, мотивов, образов в произведениях отечественной и зарубежной литературы, упоминает целый ряд исследователей [1; 4; 5]. Довольно часто мифопоэтические трансформации возникают в произведениях о детстве, поскольку сам «образ ребенка и связанный с ним мотивный комплекс семьи и дома эксплицируют <...> архаическую модель человеческого бытия» [11, с. 125].

Воплощение архетипов и схемы волшебной сказки на уровне сюжета и канонических мотивов можно отметить и в рассказе Б.П. Екимова «Фетисыч». Традиционно критики и литературоведы, рассматривая это произведение писателя, выделяют специфику социального конфликта героя-ребенка и мира взрослых, однако при таком подходе вне сферы внимания исследователей оказываются многие значимые с точки зрения идейно-эстетической ценности поэтические особенности рассказа, поэтому анализ мифопоэтического «пласта» текста позволит восполнить данную нишу.

Обращаясь к теме детства, Б.П. Екимов традиционно акцентирует внимание на изображении «своего» и «чужого» пространств. Но топоры дома и школы, обладающие в детской литературе устойчивой смысловой нагрузкой и воплощающие оппозицию «свое – чужое», в рассказе даны с нарушением тради-

ции, предполагающей центробежное («дом») и центростремительное («школа») движение. Родной очаг, традиционно воспринимаемый ребенком как символ духовного благополучия и телесного комфорта, утрачивает свою сакральную функцию и перемещается в область профанного, поскольку исчезает главная функция дома как «своего» пространства – защитная. И пьющий отчим, и вечно занятая работой мать не проявляют должного внимания к успехам Фетисыча, к его переживаниям. И хотя мальчик не является сиротой, в рассказе явно просматривается мотив разрыва связи с миром взрослых, восходящий к архетипу Божественного ребенка, когда «сиротство соотносится с феноменологической чертой архетипа ребенка – заброшенностью» [8, с. 28].

В школе же Фетисыч, будучи незаменимым помощником учительницы, чувствует свою востребованность и ощущает себя *веселее и свободней, чем дома* [2, с. 303]. Суверенность пространства школы, защищенность ее границ подчеркивается при помощи символического образа – лежащего у порога сибирькового веника, своеобразного аналога древнего оберега, призванного защитить живущих в доме от всякого зла. Перемещаясь с улицы в класс, школьники при помощи веника не только отряхивают с ног грязь поздней осени и меняют обувь, но и словно оставляют за границей учебного заведения нерадостные впечатления, царящие в мире взрослых. Резкий контраст «чужого» и «своего» пространств подчеркивают *черные глазницы* дверей и окон разоренных помещений медпункта и детского сада и три светлых окна класса, глядевших на хуторскую улицу.

Не только субъективно, в восприятии ребенка, но и объективно в пространственном поле рассказа именно школа является жизнеобразующим центром. Неслучайно в русской градостроительной традиции здания школ, как и храмовых сооружений, располагались в самых красивых и знаковых местах поселений: на главной улице, на возвышении, над речкой. Однако происходящее в последние годы XX в. разрушение сельской инфраструктуры привело к запустению и исчезновению станиц и хуторов, и во многих случаях этот процесс начался с закрытия школ. При помощи оппозиции «живое – мертвое» Б.П. Екимов в ряде произведений подчеркивает эти перемены: *В прежние времена на школьном бугре с утра до ночи кипела жизнь: уроки, веселые перемены*

с беготней. Малышня собиралась, которой в школу рано, и ребята старшие, до женихов. Играли в догонялки, чехарду, «козла», городки, лапту, «штандер», «отмерялы», «выбивалы», позднее в мячик, волейбол да футбол. <...> Кипела жизнь с утра до ночи, теперь тихо [2, с. 17]. На фоне разоренных жителями хутора помещений медпункта, клуба, магазинов школа выглядит как последний оплот теплящейся жизни.

И хотя атрибутика внутреннего убранства класса не поражает разнообразием (горшки с цветами, детское рукоделье), там тепло и уютно, неслучайно в центре комнаты находится печка, материнский символ, олицетворяющий жизненную энергию. Как вместилище пищи или домашнего огня печь воплощает собой идею дома в аспекте его полноты и благополучия и в этом отношении соотносена со столом. Неслучайно школьный очаг связан с семантическим рядом еды: здесь на «большой» перемене ученики разогревают принесенные из дома блинцы, пышки, пироги, заваривают пахучий чай с душицей, зверобоем да железняком [3, с. 306]. Напомним, что, по мнению М.В. Осориной, «для понимания ребенком социального пространства семьи очень важным событием являются совместные трапезы» [9, с. 41]. Но в родном доме Фетисычу за обеденным столом, где мучается от похмелья отчим, нет места. Мальчику отведена дальняя комната, там он и спит, и готовит уроки. Его попытки с тетрадью и задачником устроиться рядом с отчимом наталкиваются на протест взрослого:

– Места не хватило? – спросил его Федор.

– Я вам не буду мешать, – пообещал Фетисыч. – Вроде меня и нет. А за тем столом мне низко. Я наклоняюсь, и осанка у меня портится.

– Чего-чего? – переспросил Федор [3, с. 298].

Сказочным в рассказе Б.П. Екимова является и состав учеников сельской школы: здесь есть и своя «Дюймовочка» («Кроха» Маринка Большелукова), и «двое из ларца одинаковы с лица» (братья-близнецы Капустины), и местная «Золушка» (старшая Капустина, в свои девять лет, как хозяйка, помогавшая и своей семье, и заболевшей учительнице); и Мальчик-с-пальчик (младший Капустин, убегающий за братьями и сестрой в школу, несмотря на нехватку лет). Да и сам Яков, именуемый повзрослому Фетисычем, явно напоминает архетипический образ «мудрого ребенка», наделенного «стариковской рассудительностью»,

проницательностью, смекалкой и особым знанием жизни. Именно Яков помогает учительнице организовать быт класса, руководит малышами, проявляя при этом недетскую осведомленность в делах житейских.

Совместный обед в школе объединяет детей, рождая ощущение духовного родства. За едой они рассказывают друг другу страшные истории, причем и здесь явно чувствуется особая «мудрость» Фетисыча. Если старшая Капустина вспоминает реально приключившийся в их семье случай с отелившейся коровой, которую при помощи заговора лечил дед Архип, то мальчик демонстрирует немалые познания из области разоблачения ведьм и овладения нечистым искусством ведовства: *Ведьмы грома боятся. Порчу наводят. <...> Ведьма в кого хочешь обернется... Захочет в белого телка, или в рябую свинью, или в зеленую кошку* [3, с. 307]. Он подробно объясняет, как, сварив черную кошку, можно стать «невидимым». Разумеется, эти рассказы свидетельствуют не только о поэтической натуре ребенка, но и о его тяге к волшебному, чудесному, которое проявляется в мифологическом синтезе мудрости и ведовства.

Архетипическая схема волшебной сказки реализуется в развитии сюжета рассказа. Сталкиваясь с «потерей», которой становится смерть старой учительницы, Фетисыч отправляется в путь. Как правило, мифические и сказочные архетипические мотивы путешествий включают в себя «лесные блуждания, <...> посещения иных миров», которые «строго соотносятся не только с противопоставлением неба, земли, подземного и подводного царств, но также с противопоставлением дома и леса (последний представляет собой “чужой” мир, насыщенный демонами и демонизмом), с маркированием реки как границы между мирами на суше» [7, с. 67].

В полном соответствии с архетипической схемой волшебной сказки, направляясь в хутор Алешкин в поисках новой учительницы, Яков должен пройти соответствующие испытания: преодолеть *лесистое займище, да две глубокие балки – Катькин ерик и Кутерьма, да еще речка нравная – Бузулук. Будто и рядом хутор Алешкин, но брызнет дождь – на тракторе не проедешь, зимой в снежных переметах утонешь* [3, с. 308]. Как и в сказках, лес полон опасностей. Сложность пути заключается и в возможности нападения волков, прибежавших из Чечни, где идут боевые действия. Отметим, говоря о спектре семантики об-

раза волка, что с наибольшей частотностью в сказках и преданиях актуализируется одно из его основных значений: образ волка предстает «как воплощение хищной и злой силы» [10, с. 308]. Но, несмотря на явную опасность и предостережения матери, Фетисыч отправляется по *не раз хоженной и езженной дороге*, покидая пространство «своей» школы.

В соответствии с традицией, прежде чем обратиться за помощью к взрослым, Фетисыч, как и сказочный герой, совершает добрые дела, помогая директору Алешкинской школы по дому: курам – зерна, корове да козам – сена, свиньям – запаренного корма. Советы мальчика – вернуть красную лампочку в курятник, чтобы куры лучше неслись, и кормить коз гречишной соломой, чтобы они лучше отдавали пух, – почерпнутые из журнала и из наставлений деда, полны мудрого житейского смысла, поэтому взрослые их безоговорочно принимают. Добрые «волшебные помощники» – баба Ганя, Галина Федоровна и ее муж – стараются разрешить проблему, волнующую мальчика, и предлагают Фетисычу переехать к ним и учиться в «настоящей» школе. Конечно, школа в Алешкине кирпичная, с высоким спортзалом, просторная и нарядная, явно привлекательнее хуторской.

Для Якова соблазн уйти из родного дома и поселиться у директора велик еще и потому, что здесь не будет *пьяного да похмельного отчима, матери с ругней: «Замолчи... Прикуси язык...»* [3, с. 313]. Но, подумав о своих товарищах, Фетисыч с честью выдерживает испытание и отказывается от этого предложения: «чужое» пространство алешкинской школы, несмотря на свою привлекательность, так и не становится для него «своим». В отличие от взрослых, демонстрирующих в сложных, кризисных ситуациях свое бессилие или бездействие, герой-ребенок не боится предпринимать активные действия, становясь таким образом на сторону творения добра. Фетисыч понимает: *есть школа – можно жить*. А иначе *все кончится, рухнет. Не будет уроков, повесят замок, цветы померзнут. А через неделю – это Яков знал точно – школу разгромают*. <...> *К Новому году от школы останется лишь пустая коробка с черными проемами*. <...> *Без него все пойдет прахом* [Там же, с. 317].

Вернувшись домой, от бессилия что-то изменить мальчик засыпает в слезах, и во сне ему приходит волшебное видение, в котором реализуется локус его мечты: сливаются водоедыно «свое» и «чужое», «живое» и «мертвое».

Родная школа изменяется и становится похожей на алешкинскую, а он, Яков, с гордостью показывает ее умершей Марии Петровне и заслуживает похвалу учительницы.

Сказочный финал, предполагающий победу добра над злом, явлен не только в мечтах Фетисыча, но и в пейзажной зарисовке, в розовой зимней заре, пришедшей на смену дождливой осени: *Хутор лежал вовсе тихий, в снегу, как в плену. Несмелые печные дымы поднимались к небу. Один, другой... За ними третий. Хутор был живой* [3, с. 318].

Таким образом, совмещая изображение мифологического «мудрого ребенка» и мальчика с вполне реальными психоэмоциональными особенностями и желаниями, автор демонстрирует идеальность детской природы в ее стремлении к добру и справедливости. Поскольку реалистическому искусству присущ совершенно иной подход к сказке, современное звучание «пересказа» достигается не вопреки законам сказочного повествования, а благодаря их творческому использованию» [6, с. 91]. «Мудрый ребенок» в произведении Б.П. Екимова, приближаясь к нравственному идеалу, тем самым свидетельствует о несостоятельности ценностного мира взрослых, неспособного адаптироваться к требованиям детской натуры.

Список литературы

1. Дворак Е.Ю. Русское детское фэнтези: жанровая специфика и особенности мифопоэтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
2. Екимов Б.П. Сочинения: в 3 т. Волгоград: Издатель, 2000. Т. 1.
3. Екимов Б.П. Сочинения: в 3 т. Волгоград: Издатель, 2000. Т. 2.
4. Исаковская А.Ю. Детская сказка в русской советской литературе: рецепция мировых сюжетов: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
5. Квак Х. М. Время, пространство и герой в сказках К.И. Чуковского: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
6. Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики / под ред. проф. Б.Ф. Егорова. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1980.
7. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994.
8. Нефедова Л.К. Онтологическая семантика образа детства: моногр. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2005.
9. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 2009.
10. Тропкина Н.Е. Образ волка в русской поэзии XX века // Филологические записки. Вестник

литературоведения и языкознания. 2006. Вып. 24. С. 78–82.

11. Тропкина Н.Е., Рябцева Н.Е. Пространство детства в поэзии О. Сedaкoвoй // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Русская филология. 2017. № 2. С. 124–130.

12. Чернов А.В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. университета, 1994. С. 151–158.

13. Шафранская Э.Ф. Мифопоэтика иноэтнокультурного текста в русской прозе XX–XXI вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2008.

* * *

1. Dvorak E.Ju. Russkoe detskoe fjentezi: zhanrovaja specifika i osobennosti mifopojetiki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2015.

2. Ekimov B.P. Sochinenija: v 3 t. Volgograd: Izdatel', 2000. T. 1.

3. Ekimov B.P. Sochinenija: v 3 t. Volgograd: Izdatel', 2000. T. 2.

4. Isakovskaja A.Ju. Detskaja skazka v russkoj sovetskoj literature: recepcija mirovyh sjuzhetov: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2012.

5. Kvak H. M. Vremja, prostranstvo i geroj v skazkah K.I. Chukovskogo: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2012.

6. Medrish D.N. Literatura i fol'klornaja tradicija. Voprosy pojetiki / pod red. prof. B.F. Egorova. Saratov: Izd-vo Sarat. gos. un-ta, 1980.

7. Meletinskij E.M. O literaturnyh arhetipah. M.: RGGU, 1994.

8. Nefedova L.K. Ontologicheskaja semantika obraza detstva: monogr. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2005.

9. Osorina M.V. Sekretnyj mir detej v prostranstve mira vzroslyh. SPb.: Piter, 2009.

10. Troпкина Н.Е. Образ волка в русской поэзии XX века // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. 2006. Вып. 24. С. 78–82.

11. Troпкина Н.Е., Рябцева Н.Е. Пространство детства в поэзии О. Сedaкoвoй // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Русская филология. 2017. № 2. С. 124–130.

12. Chernov A.V. Arhetip «bludnogo syna» v russkoj literature XIX veka // Evangel'skij tekst v russkoj literature XVIII–XX vekov: citata, reminiscencija, motiv, sjuzhet, zhanr: sb. nach. tr. Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavod. universiteta, 1994. S. 151–158.

13. Shafranskaja Je.F. Mifopojetika inojetnokul'turnogo teksta v russkoj proze XX–XXI vv.: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2008.

Topos of childhood in the story by B.P. Ekimov "Fetisych"

The article deals with the topos of childhood in the story by B.P. Ekimov "Fetisych" with consideration of the folklore and mythological tradition. The author determines the role of the spatial and symbolic image in a fiction text.

Key words: *topos, space of childhood, archetype, myth poetics, folklore.*

(Статья поступила в редакцию 21.06.2017)

К.И. ПАЗУХИНА
(Волгоград)

КАРНАВАЛЬНОСТЬ В ПОЭЗИИ В. ГАВРИЛЬЧИКА

Рассматривается поэзия В. Гаврильчика с точки зрения карнавального начала. Предпринимается попытка анализа стихотворений В. Гаврильчика через призму концепции М. Бахтина о трех видах форм народной смеховой культуры.

Ключевые слова: *ленинградский андеграунд, В. Гаврильчик, карнавал, материально-телесное начало, скатологические образы.*

В. Гаврильчик – один из самых известных художников ленинградского андеграунда. В литературном мире эта фигура тоже весьма значительна. Гаврильчик печатался в альманахах и журналах, где были собраны произведения многих деятелей андеграунда («Аполлон-77», «Стебок» и др.). Начиная с 1960-х гг. его стихи стали популярны среди молодежи и творческой интеллигенции, заучивались наизусть. В. Уфлянд в эссе «Дважды Гаврилисимус» как бы в шутку представил поэта как уникального, единственного в своем роде и великого поэта всех времен. Однако читатель понимает, что за ироничным тоном автора скрывается настоящее уважение и преклонение перед талантом Гаврильчика.

Творчество Гаврильчика было довольно хорошо известно ленинградцам (и не только),